

ПОСЕВ

Не в силе Бог, а в правде! Александр Невский

ГОД ИЗДАНИЯ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

Выходит за рубежом

Адрес: 623 Frankfurt/Main-Sossenheim, Flurscheideweg 15 Тел. 31 42 65

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

POSSEV—DIE AUSSAAT, Wochenzeitung in russischer Sprache D 21 651 C

№ 51 (1074)

Пятница, 16 декабря 1966 года

Freitag, 16. Dezember 1966

„Мы в битвах решаем судьбу поколений“

Указ Президиума Верховного совета РСФСР «О внесении дополнения в Уголовный кодекс РСФСР», против утверждения которого ведет ныне борьбу молодежь, предусматривает, среди прочего, суровые наказания за «надругательство над Государственным гербом или флагом». О гимне речи нет — по той простой причине, что самого гимна, по существу, в настоящее время нет: он превратился в «песню без слов», поскольку прежний текст с культом личности Сталина еще при Хрущеве был забракован, а нового текста так пока и не создано. Искусство мстит за увлечение преходящим, а в тексте ушедшего на покой гимна было несколько мест, посвященных преходящим понятиям и событиям, теряющим или меняющим свое значение в потоке истории; вот и осталась одна музыка, которая звучит в торжественных случаях в исполнении оркестра, но не хора, хотя по определению словаря гимн есть «торжественная песня, принятая как символ государственного или классового единства».

Однако в забытом тексте онемевшего гимна была строка, которая ныне приобретает особое и многогранное значение. Когда в морозные ноябрьские и декабрьские дни в Москве отмечают 25-летие боев под столицей, мимоходом пытаюсь восстановить сокрушенный авторитет Сталина, а в те же дни новое поколение интеллигенции выпускает Белую книгу в защиту свободы творчества и развертывает борьбу против реакционного законодательства, то невольно вспоминается та самая строка, в разных значениях способная связать две эпохи, разделенных четвертью века: «Мы в битвах решаем судьбу поколений»...

«Мы» — это народ. Со Сталиным, под Сталиным, без Сталина или против Сталина и сталинщины, но именно народ решает судьбу поколений. Тогда, в грозные дни 1941 года, под стенами родной столицы, защищая сердце страны, народ отстаивал судьбу, бытие грядущих поколений. С тех пор прошло ровно двадцать пять лет — срок, за который биологически созревает новое поколение людей. Такое новое поколение теперь созрело, и уже оно решает в новых условиях, в новых битвах судьбу своего и грядущих возрастов.

В битвах под Москвой решалась биологическая судьба поколений нашего народа и роковой вопрос «быть или не быть» для исторической России и ее культуры, при любых государственных формах. Теперь битвы в самой Москве ведутся во имя решения духовной судьбы нынешнего и грядущих поколе-

ний, во имя определения путей развития исторической России и ее культуры на будущее, которое видится в органической связи с лучшими, здоровыми традициями прошлого.

Битвы в Москве в 1966 году ведутся по тем правилам той стратегии и той тактики, которые рождаются в ходе современной жизни в современных условиях бытия. Любые стратегия и тактика, в конечном счете, сочетают в себе множество маневров и действий самых разных категорий: наступательных и оборонительных, штурмовых и осадных, лобовых и обходных, маскировочных и замаскированных... Различны направления натиска и участки боевых операций, бесконечно разнообразны методы и средства борьбы. Но ничто — ни революционная борьба, вплоть до вооруженных столкновений, ни реформистские требования, ни оборона с позиций фор-

мальной легальности не оставляют сомнений у борющихся сторон, что дело идет о коренном преобразовании жизни, о смене принципов дальнейшего общественного развития.

Глупо полагать противника глупым, и в лагере власти должны быть люди, которые способны понять, что лучше идти навстречу неизбежному новому, выигрывая «спуск на тормозах», чем оказаться под колесами локомотива истории. Разве можно одновременно клеймить культ Мао и вандализм «красных охранников» в Китае — и пытаться реабилитировать культ Сталина и вандализм «органов госбезопасности» в нашей истории.

Чем дольше реакционные элементы в системе коммунистической диктатуры будут цепляться за давно отжившее и упираться против требований жизни, тем ожесточеннее будет разгораться борьба нового поколения за новые пути развития и тем катастрофичнее будет крах режима.

Битвы решат судьбу поколений.

Поездка Косыгина во Францию

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ В ПАРИЖЕ

Во время нахождения Косыгина в Париже, 4 декабря состоялась пресс-конференция в гостинице «Континенталь», где собралось почти 450 французских и других иностранных корреспондентов. Своей беседе Косыгин предпослал, как обычно, «обращение» к журналистам. Он высказал свое удовлетворение ходом своих переговоров с генералом де Голлем по ряду международных проблем, поскольку точки зрения Советского Союза и Франции «близки или совпадают». В последующих ответах на вопросы Косыгин подчеркнул существование «двух германских государств — ГДР и ФРГ», причем «никакие силы извне не могут изменить этого положения». Второе обстоятельство, «не менее реальное», по его мнению, — это «неприкосновенность сложившихся границ в Европе». Третьим обстоятельством, «обеспечивающим европейскую безопасность», по его словам, был бы «отказ ФРГ от всяких притязаний на ядерное оружие». Все это не ново.

Далее Косыгин закидывал удочку насчет заключения долговременного экономического договора с Францией, на срок 10-15 лет. Он пообещал немедленно ликвидировать Варшавский пакт в обмен на ликвидацию НАТО. Как известно, в случае роспуска НАТО, как ФРГ, так и США останутся изолированными. В случае же ликвидации Варшавского пакта единство социалистического лагеря будет гарантировано «пролетарской солидарностью». А это — сильнее любых западных пактов...

Далее Косыгин повторил уже избитый тезис, что хорошие отношения с США могут быть лишь после ухода американских войск из Вьетнама, то есть когда весь Вьетнам превратится в коммунистическую страну.

Зато перед Францией Косыгин проявил, как сказал бы Жданов, низкопоклонство, заявляя, что «дружба с Францией будет постоянной. Она находится в сердцах советских людей».

На острый вопрос о возможности объединения еврейских семей, члены которых были разлучены войной, Косыгин ответил: «Что касается объединения семей, то если какие-то семьи хотят встретиться или хотя бы уехать из Советского Союза, то им открыта дорога, и никакой проблемы здесь не существует».

Косыгин здесь явно солгал. Проблема существует. И не только для советских евреев, а для всех советских граждан. Сомнительно, чтобы Косыгин забыл о существовании статьи УК, по которой нелегальный переход границы рассматривается как тя-

желейшее уголовное преступление. А разрешения на легальный выезд за границу выдаются лишь в самых исключительных случаях.

На другой острый вопрос, почему даже в Москве, спустя 49 лет после революции, москвичи вынуждены читать из иностранных газет только «Юманите», Косыгин снова соврал, заявив, что эта газета «пользуется в Советском Союзе большим спросом, чем другие» и что «делом других газет является возможность добиться такого же положения». Хрущев, как известно, на аналогичный вопрос ответил так же: мол, причина в советских гражданах...

На последний вопрос со стороны одного американского журналиста о возможности нанесения Косыгиным визита в США последовал ответ, что этот вопрос «нигде не обсуждался». Снова — ложь.

Президент Джонсон всего лишь 10 октября пригласил Косыгина и Брежнева в США. Это приглашение он передал через Громыко, когда тот посетил президента в Белом доме. Трудно допустить, что Громыко забыл передать приглашение.

Как раз наоборот: скорее потому, что этот вопрос на верхушке КПСС обсуждался, Косыгин и Брежнев не могут ехать в США. Ведь что скажет тогда китайская... «княгиня Мария Алексеевна»?!

СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

Председатель Совета министров СССР А. Косыгин, находившийся во Франции с официальным визитом с 1 по 9 декабря, вернулся 9 декабря вместе с сопровождавшими его лицами в Москву. В опубликованном пространном «Советско-французском заявлении» (в газетах от 10 декабря) говорится о беседах «протекавших в атмосфере дружбы» и явив-

ПЛЕНУМ ЦК КПСС

12-13 декабря в Кремле состоялся пленум Центрального комитета КПСС, который обсудил следующие вопросы:

1. О международной политике СССР и борьбе КПСС за сплоченность коммунистического движения.
2. О Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1967 год.
3. О Государственном бюджете СССР на 1967 год.

С докладом по первому вопросу выступил генеральный секретарь ЦК Л. И. Брежнев.

Материалы пленума будут рассмотрены в следующем номере «Посева».

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

- ◆ Ю. Васильев. Моряки-черноморцы в году 1966
- ◆ Г. Р. «Высшая церковная власть — перед выбором»
- ◆ В. Маслов. Съезд — «Кто кого съест» (По поводу IV съезда писателей)
- ◆ Михаил Балмашев. Анахронизм, поиск, эксперимент
- ◆ А. Н. Под знаком мельчания и распада (На съезде венгерских коммунистов)

шихся «новым крупным шагом в деле превращения советско-французских отношений в отношения более тесного сотрудничества, согласия и дружбы».

Из «заявления» вытекает, однако, что взаимное сотрудничество в основном будет направленно на «новые области экономики, науки и техники». Зная, как ревниво оберегает руководство КПСС «государственные тайны» в этих областях от чужих глаз, можно быть уверенным, что французская сторона не очень-то обогатится от советского сотрудничества.

Что касается политических вопросов, то никакого сближения точек зрения двух сторон, судя по «заявлению», не произошло. Так, в «заявлении» ни слова не говорится о германском вопросе (в тексте отсутствует даже упоминание о Германии), а по поводу положения во Вьетнаме содержится лишь констатация «серьезности» положения, которая вытекает «из факта иностранного вмешательства», что звучит достаточно двусмысленно. Вместо «единства» или близости точек зрения отмечается лишь, что «оба правительства условились продолжать сопоставлять свои позиции и обмениваться овыми взглядами по этому вопросу». Также ничего определенного не содержится в части «заявления», касающегося «нераспространения ядерного оружия», «запрещения его производства» и «ликвидации существующих запасов».

ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ В КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ СЪЕЗДОВ

Центральным событием в цепи официальных торжеств, организованных властью по поводу 25-летия победы нашего народа под Москвой, явилось торжественное собрание 6 декабря «представителей общественности», получивших в числе шести тысяч избранных особые приглашения-пропуска в Кремлевский Дворец съездов.

За столом президиума сидело все возглавление партии и правительства. Отсутствовал лишь маршал Р. Малиновский, который в последнее время стал очень редко появляться на официальных торжествах.

С докладом выступил первый секретарь Московского горкома КПСС Н. Егорычев. В своей речи он, перечисляя боевые заслуги «военачальников, сражавшихся за Москву», называет в первую очередь Сталина. Зал ответил, как отмечают иностранные корреспонденты в Москве, громом аплодисментов, продолжавшихся целую минуту. Такую же овацию устроили зрители маршалу Г. Жукову (также названному Егорычевым), впервые за долгие годы удостоенному чести сидеть за столом президиума такого собрания.

На следующий день газеты поместили только пе-

«Заявление» заканчивается указанием на предстоящие взаимные визиты (пока без указания сроков): премьер-министра Франции Ж. Помпиду — в Советский Союз и Л. Брежнева и Н. Подгорного — во Францию.

АНТИКОСЫГИНСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ В ТУЛУЗЕ

Хотя французское правительство и приняло все меры к тому, чтобы как можно лучше принять «высокого советского гостя» (и с этой целью политическим эмигрантам полицией было даже предложено не покидать своих жилищ), визит Косыгина во Францию протекал не без инцидентов.

В частности, «инцидент» имел место в Тулузе 5 декабря. При трансляции по телевидению посадки Косыгина на самолет с тулузского аэродрома, французские телезрители имели возможность, в течение приблизительно 2 минут, совершенно явственно слышать и наблюдать, как демонстрировавшие на аэродроме студенты кричали в адрес главаря КПСС: «Долой Косыгина! Косыгина к столбу! Бандит!».

Французская пресса постаралась замаять «инцидент», сообщив на следующий день, что выкрики студентов, якобы, относились к присутствующему при отлете министру просвещения Франции Фуше.

Л. И. О. Н.

К. ЮРЧЕНКО

рассказ речи Егорычева, в котором были уже опущены фамилии маршалов и Сталина. Тем самым была устранена необходимость указания на аплодисменты, которые приобрели характер политической контрабанды. Они — одобрение Сталину. Сверху направляемое и строго дозируемое.

В своей речи Егорычев, в частности, объяснил первые успехи Советской армии в начале войны «щедрой помощью Соединенных Штатов Америки и других империалистических государств», которые позволили Гитлеру создать «мощную армию» и «гигантский военный арсенал».

Егорычев забыл добавить, что Гитлеру немало помогло в этом и советское правительство своей не менее щедрой помощью в 1939-1940 годах...

В полном соответствии с принятыми штампами, всю заслугу по разгрому гитлеровской армии Егорычев приписал «вдохновителю и организатору борьбы Красной армии и всего советского народа — Коммунистической партии». После официальной части состоялся концерт, организованный большим мастером по части оформлений парадов, массовых митингов и «народных шествий» режиссером И. Тумановым.

ной мотивировкой — как «получившие ранения и не отмеченные ранее боевыми наградами».

Награждение областей и городов орденами и званиями дает удобный повод для поездок руководителей КПСС в эти места с целью пропагандных выступлений, «воопитывающих советский патриотизм», а заодно и укрепления их личного авторитета.

● Брежнев — герой боев под Новороссийском. О том, что сражение у Новороссийска, длившееся свыше года (1942-43 гг.) и закончившееся штурмом города, было великим народным подвигом, знают все. Но что в этом сражении «в рядах воинов, сражавшихся за Новороссийск», находился Л. Брежнев, — этого еще никто не знал. Об этом поведал лишь теперь член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. Кириленко, прибывший 1 декабря в Новороссийск для вручения городу ордена Отечественной войны 1-й степени. Он сказал, что под руководством Брежнева «в сложной боевой обстановке проводилась многогранная партийно-политическая работа в частях и соединениях» 18 армии (в которой Брежнев был начальником политотдела) и что «участники боев за Новороссийск с большой теплотой вспоминают неутомимую деятельность Леонида Ильича Брежнева, его личное мужество и стойкость, глубокую идейную убежденность, служившие примером партийности и воинской доблести».

Начало глорификации Л. Брежнева положено. Бедные авторы книг об Отечественной войне! Им снова придется вносить изменения в научный текст их трудов.

Впрочем, их работу можно значительно облегчить: заменить страницы о боевых заслугах Хрущева страницами о военной доблести Брежнева.

● Выступление Шелепина в Калинин. Вручивший Калининской области орден Ленина член Политбюро ЦК КПСС Шелепин в своей речи 9 декабря в Калинин (Тверь) коснулся войны во Вьетнаме. Он сказал, что вьетнамский народ скорее и с меньшим количеством жертв пришел бы к своей победе, если бы этому не стояло поперек дороги ру-

ководство КПК. Позиция китайских руководителей «объективно» помогает американским агрессорам». Далее Шелепин заявил, что Мао Цзэ-дун и его группа проводят «великодержавный антиленинский курс», направленный против мирового коммунистического движения, и при этом пытаются высокомерно изображать взгляды Мао в качестве вершины марксизма-ленинизма, а так называемую «культурную революцию» расширить за пределы китайской границы. Полный текст речи Шелепина был помещен только в газетах «Советская Россия» и «Красная звезда» (от 10 декабря), сокращенный текст (без выпадов против Мао Цзэ-дуна) — в прочих центральных газетах.

● Музейная «новинка». В Музее вооруженных сил Советского Союза в Москве в последние дни появились «новинки», привлекающие внимание посетителей: в зале № 9, где собраны экспонаты, связанные со сражением под Москвой в 1941 году, демонстрируется приказ Сталина от 19 октября об объявлении осадного положения в Москве. Над приказом укреплен для обозрения портрет Сталина в полной форме генералиссимуса.

● «Братские приветствия» остались без ответа. Президиум Верховного совета СССР и Совет министров СССР направили «братские поздравления» в Тирану албанскому правительству по случаю 22-й годовщины «освобождения Албании от фашистских захватчиков» («Правда» от 29 ноября). Ответа на телеграмму не последовало.

● Подписание консульской конвенции с Францией. В Рамбуйе (Франция) была подписана 8 декабря консульская конвенция между Советским Союзом и Францией. Конвенцию подписали А. Громыко (сопровождавший А. Косыгина в его поездке во Францию) и министр иностранных дел Франции М. Кув де Мюрвилль.

● Землетрясение в Ашхабаде. В Ашхабаде вечером 26 ноября произошло землетрясение. Многие жители выбежали из своих квартир на улицы. В течение минуты в домах раскачивались люстры, дрожали оконные стекла, звенела посуда. По данным сейсмической станции «Ашхабад» эпицентр землетрясения находился в 45 километрах юго-восточнее туркменской столицы, в районе селений Гяуре и Маныш. Здесь сила толчков достигала 5 баллов, а в самом Ашхабаде — 4 баллов. «Правда» (от 28 ноября) сообщает, что жертв и разрушений не было.

● Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР о реформе средней школы. Во всех центральных и республиканских газетах от 19 ноября было помещено постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы». В связи с постановлением, в Москве во Дворце пионеров в течение трех дней, с 25 по 27 ноября, проходило совещание работников просвещения РСФСР, на котором выступил министр просвещения РСФСР М. Прокофьев и ряд других лиц. Новые «меры» обозначают новую коренную ломку нашей школы.

Анализу новой реформы школы в одном из ближайших номеров «Посева» будет посвящена отдельная статья.

Нам сообщают

ЭКОНОМИКА, БЫТ

Могилевская область. В 1965 году колхозникам разрешено было брать приусадебные участки в таком размере, чтобы данная колхозная семья справилась с их обработкой, но при обязательном условии, что все колхозные работы также будут выполняться каждым. Разрешено было также иметь на семью по две коровы, две свиньи и неограниченное количество домашней птицы. Но колхозные работы не позволяли обрабатывать больших приусадебных участков, а отсутствие кормов не позволило большинству заводить двух коров и двух свиней.

Урожай 1965 года был в области средний, но в прошлую зиму колхозники не голодали.

Донецкая область. Жить стало страшно в области: много воровства и бандитизма. Воруют днем и ночью, что только попадет под руку. Особенно много воров на станциях железных дорог. Там их боится сама милиция, которая приходит, когда вори уже успели спрятать или продать украденное.

По ночам люди боятся выходить на улицу: бандиты раздевают людей, а пытающихся сопротивляться убивают. Милиции, как правило, ночью не видно.

В магазинах продавщицы обвешивают покупателей. Пытающихся жаловаться милиция не хочет слушать: говорит, что покупатели должны сами противодействовать.

Ростов-на-Дону. В Ростове в 1965 году усиленно начало развиваться частное кустарничество: сапожное, портновское и деревообделочное ремесла. Власти на развитие частного ремесленничества пока не обращают внимания.

Ю. Васильев Моряки-черноморцы в году 1966

РЕПОРТАЖ О ВИЗИТЕ ЭСМИНЦА «НАПОРИСТЫЙ» ВО ФРАНЦУЗСКУЮ
ВОЕННУЮ ГАВАНЬ ТУЛОН

(От специального корреспондента «Посева»)

Начнем с предыстории. Визит эсминца «Напористого» — ответный на посещение в начале текущего года французским военным судном «Тортю» Севастополя и Одессы. Первоначально «Напористого» ожидали в городе Вильфранш-сюр-мер (рейдовая стоянка французского военно-морского флота около Ниццы) 29 мая. По рассказам моряков, к визиту тогда хорошо приготовились: кроме военного оркестра, экипажу придали ансамбль песни и пляски Черноморского флота и артистическую группу. «Поход» отложили якобы по просьбе французов.

Наконец, окончательно договорились о визите в Тулон 15-20 октября. Назначение этого срока поставило перед Черноморским командованием дополнительную проблему. Как известно, ежегодно в октябре увольняются в запас старослужащие, отслужившие на флоте четыре года, а экипаж «Напористого» имел особенно много тех, кому надо было увольняться. Само собой разумеется, что не было и речи о том, чтобы посылать в «дальний поход» боевую единицу с большим количеством молодых моряков первого года службы. К тому же, «Напористый» — корабль не обычный, а «визитное судно» Черноморского флота, экипаж которого специально готовят к так называемым «дальним походам», то есть к операциям пропагандно-политического характера.

Выход был найден. Учитывая, что экипаж «Напористого» бредил Францией, возможностью побывать в Европе, в настоящем западном государстве (до сих пор наши черноморцы ходили только в «экзотические страны» — Сирию, Эфиопию, ОАР), командование предложило уходящим в запас задержаться на несколько месяцев на службе. 75% с радостью согласились. Остальные 25% были дополнены новобранцами, которых предварительно подвергли усиленной политической обработке.

✱

Французскими властями «Напористому» был оказан торжественный и сердечный прием. Еще сердечнее наших моряков встретило население города. «Напористый» был первым русским военным кораблем, за 70 лет, посетившим порт (последний визит русской эскадры в Тулон состоялся в 1896 году). наших моряков встречали, как русских, «в духе традиционной франко-русской дружбы».

В этой связи имели место забавные казусы. Так, старичек-торговец в припортовой лавочке привел в полное смущение моряков, пришедших к нему купить сувениры, выложив на прилавок пачку облигаций Российского государственного банка, приобретенных во время первой мировой войны, и предъявив претензию: «Почему ваше правительство отказалось погасить эти облигации? Такая позиция не соответствует духу франко-русской дружбы!».

Были антикоммунистически настроенные французы, которые вели себя корректно и дружелюбно, но когда появилась возможность привлечь переводчика, пытались задавать «острые вопросы» (правда, не всегда умело). Во время одной из таких импровизированных дискуссий произошел следующий инцидент.

Молодому моряку был задан вопрос о «культе личности». Из толпы в разговор сразу вмешался старик, говорящий по-русски с легким акцентом (по всей вероятности, бывший эмигрант, уже порядком позабывший родной язык). Он пытался помешать дискус-

сии, заявив: «Зачем вы задаете такие вопросы? Ведь это простой моряк! Он сам ничего не знает и на такие вопросы отвечать не может». Моряк страшно обиделся и резко возразил: «То есть как не могу ответить? Я в курсе дела, совершенно свободен и могу отвечать на любые вопросы! Пожалуйста, не вмешивайтесь не в свое дело, вас это не касается!».

Франция считается страной с традиционно-сильным коммунистическим влиянием, но таких, кто явно показывал себя коммунистом, было поразительно мало, а моряки встречали их довольно-таки холодно. Так, одному старому коммунисту пришлось долго уговаривать их сфотографировать его себе на память в позиции «Рот-фронт» тридцатых годов, с поднятым кулаком. Ребятам явно не хотелось тратить пленку, и они согласились на это лишь скрепя сердце. Еще большее удивление вызвала просьба двух старушек поставить им автографы на членских билетах коммунистической партии.

Во Франции много русских эмигрантов, а встречавших из их числа было, к сожалению, совсем немного. Но и тут, один старичек пришел в полное замешательство посольского работника из Парижа тем, что стал наводить у него публично справки о судьбе своего брата, который после революции командовал крейсером на Черном море и пропал в тридцатые годы.

Вообще же визит протекал в исключительно дружеской атмосфере и без происшествий, если не считать совсем незначительного случая. Один из «посольских», прибывший из Парижа для организационного оформления визита, так напился на корабле, что морякам пришлось на руках выносить его по трапу на берег. Оказавшись на берегу, «дипломат» начал буянить и был остановлен патрулем морской жандармерии (дело происходило на территории военного порта). Так как он громко ругался по адресу жандармов (к счастью, по-русски), то его задержали и отправили в комендатуру для проверки документов.

✱

Для нас, — членов НТС, знакомых с практикой подобных визитов, — большим сюрпризом было то, что на корабле отсутствовали «няньки» (переодетые в морскую форму агенты КГБ, обычно вливаемые в экипаж для слежки за моряками, выходящими на берег в иностранных портах). Совместно с нашими друзьями-моряками мы проанализировали личный состав в количестве 319 человек. Нам сказали, что, помимо основной команды из 290 матросов, старшин, мичманов и офицеров (командир — капитан 2-го ранга Владимир Ермоленко), на борту находится военный оркестр во главе с капельмейстером-майором, группа курсантов Севастопольского высшего военно-морского училища им. Нахимова, двое поваров, назначенных для приготовления парадных обедов, и четверо офицеров штаба командующего походом капитана 1-го ранга Степана Соколана. Офицеры хотя и не принадлежали к экипажу, но их знали моряки, — ни один из них не имеет отношения к КГБ.

«У нас на корабле лягавых нет и быть не может! Лягашей мы бросаем за борт!» — совершенно безапелляционно утверждали моряки, и мы не могли им не верить, — тем более, что отсутствие «стукачей» подтверждалось и их поведением.

В отношении выполнения правил морского устава и режима черноморцы даже более

дисциплинированы, чем наши старые знакомые — моряки Балтийского и Северного флота, но в плане политическом они ведут себя несравненно свободнее.

Неприкрытая ненависть черноморских моряков к тем, кого они называли «лягавыми», как видно, давала повод и морскому командованию отказывать в приеме на борт «лиц, к военно-морскому флоту отношения не имеющих», под тем предлогом, что невозможно брать на себя ответственность за людей, не прошедших предварительной военно-морской подготовки: «А если, мол, кто-нибудь из них упадет за борт, отвечать-то придется нам!». Вероятно, политические инстанции и органы госбезопасности, зная настроения моряков, и сами не решились на этом настаивать. «Напористый» пришвартовался в субботу утром. Согласно программе визита, часть экипажа в тот же день отправилась на экскурсию по департаменту в специально предоставленных для этой цели автобусах.

✱

Уже в первый день визита французы были удивлены тем, что вечером в городе не было ни одного «русского моряка» (в 1896 году они вели себя иначе!). Та же картина повторилась и на следующий день. Хозяева с обидой и удивлением стали спрашивать об этом у гостей-офицеров, а те отвечали: «Мы выходить в город матросам не запрещаем! Наоборот! Но желающих нет»...

Само собой разумеется, этому не верили даже самые неискушенные французы: где это видано, чтобы из трехсот человек экипажа корабля, впервые посетившего какой бы то ни было порт, не нашлось желающих выйти на берег!

В этом отношении во время визитов наших кораблей Балтийского и Северного флотов в скандинавские порты режим был значительно мягче: в Копенгагене, Тронхейме, Стокгольме уже через несколько часов после швартовки на улицах можно было встретить гуляющих моряков. В Тулоне же начали увольнять только на третий день визита, да и то лишь до шести часов вечера. Первые моряки появились в городе через час после прибытия на корабль советского посла во Франции Зорина, в понедельник утром, что вызвало предположение, что командование не решалось на увольнения под свою ответственность.

И вот группами по 5-6 человек моряки вышли в город, рассыпались по улицам, по магазинам и базарам, лотки которых на многие километры тянулись в припортовом районе. Встречам с соотечественниками, живущим за рубежом, каждый раз радовались, засыпали вопросами, просили помочь сделать покупки (правда, денег у них было так мало, что нас это ставило в затруднительное положение).

Вот вопросы, задававшиеся обычно сразу после знакомства:

«Скажите, почему здесь так много товаров? Почему все эти товары никто не покупает и магазины пустуют? Как и на что здесь живут торговцы, которых так много и которые подолгу сидят, ничего не продавая? Каково здесь положение негров и вообще нефранцузов?».

После исчерпывающих объяснений и обмена мнениями о положении за рубежом и в нашей стране вопросы обычно приобретали уже иной характер. «Расскажите, пожалуйста, как можно изменить положение у нас на родине?» — спрашивали нас, и разговор сам собой переходил на тему об НТС, его борьбе и программе.

Офицеры, как правило, об НТС были информированы лучше и даже сами нам рассказывали, что НТС — «крупная, сильная организация, действующая по всей стране и имеющая представителей по всему миру». Рядовой состав об НТС также был «информи-

стам», но режиму собственной страны и его прихлебателям; и «Поречно-степные» К. Буковского (в журнале «Октябрь»!) — безотрадная картина колхозной жизни...

Столь небывалое нашествие документальности на журнальные страницы, разумеется, не ускользнуло от внимания критиков. И, надо отдать им должное, на сей раз они довольно объективно разобрались в «новом явлении», в частности — в его причинах.

«В одной из библиотек Казани проводилась читательская конференция. Обсуждали новые произведения писателей. Вначале все шло хорошо... Все «испортил» довольно мирный на вид молодой человек. Когда речь зашла об одной из обсуждаемых книг, он спросил автора:

— Это взято из жизни или вы все выдумали сами?

Автор повести не очень внятно стал объяснять, что книги, которые «списаны» непосредственно с самой жизни, это не совсем «то», а настоящее художественное произведение, такое, как это, вообще создается путем... и т. д.

Молодой человек покачал головой:

— Опять выдумка!

И удалился с равнодушным видом.

...Эта история свидетельствует, что авторитет художественного вымысла несколько поколеблен в глазах читателей. Мне могут возразить, что рассказан все же случайный эпизод. К сожалению, случаи, когда читатели предпочитают правде искусства правду жизни, я наблюдал не раз. Характерно, что, когда разговор идет о произведениях классиков, такие вопросы у читателей не возникают.

...По-моему, одна из основных причин растущей популярности художественно-документальных жанров тесно связана с отражением в литературе событий Великой Отечественной войны.

...Еще одна причина популярности художественно-документальной литературы, по-моему, вызвана восстановлением ленинских норм в общественной жизни нашей страны. В печати начали появляться очерки, воспоминания, письма о таких волнующих всех исторических событиях, которые оставили в жизни людей глубокий, порой неизгладимый след, но долгое время оставались в зоне неизвестности» (Гумер Баширов. Выступление на литературной дискуссии, посвященной документальному очерку, журнал «Вопросы литературы» № 9, стр. 14, 1966).

«Люди хотят познать истину: И потому обращаются к произведениям литературы, основанным не на вымысле (выдумать-де можно все, что угодно!), а на конкретных, «невыдуманных» фактах (Иван Винниченко, там же, стр. 17).

«Нынешний интерес к документальной литературе объясняется, на мой взгляд, двумя главными

причинами. Первая из них — всеобщая тяга к объективности, к достоверности, к правдивой информации, не отягощенной домыслами и беллетризацией. Долгие годы ряд материалов не подлежал оглашению. Теперь читатель спешит дорваться до политических, военных, дипломатических, исторических, судебных и других документов, извлеченных из архивов и ставших достоянием гласности» (Лев Гинзбург, там же, стр. 21).

«Принимаясь за дневники и мемуары, мы заранее уверены: все, что сейчас удастся прочесть, действительно происходило в такое-то время, в таких-то обстоятельствах. Чтение же иных романов и повестей куда как часто напоминает давнишнее гадание девушек по лепесткам ромашки: «любит — не любит». Перевертывается одна страница книги — «верю», вторая, — «не верю», еще одна — «правда», следующая — «неправда» (Максим Лужанин, там же, стр. 30).

«За последние годы, наряду с подлинно правдивыми повестями и романами, было немало лакированных или таких, где жизнь изображена в виде полуправды. А читатель-то теперь понимает, что такое правда, полуправда и неправда. Очерк меньше пострадал от лакировщиков и, очевидно, читатель питает к нему доверие» (Петр Ребрин, там же, стр. 43).

Да, сталинщина и хрущевщина ушла, а потребность думать и говорить о них осталась; и те, кто не имел возможности высказаться в свое время, высказываются сейчас. Что же касается читателя, то можно порадоваться за него: это действительно немалое счастье — «дорваться» до правды, к которой рвешься почти полвека. И пусть правда, до которой он дорвался, — лишь часть правды; едва ли ему придется ждать долго того дня, когда вся правда станет для него доступна: упомянутая уже дискуссия, разгоравшаяся вокруг понятия «правда», внушает такие надежды.

✱

Таковы главные явления, родившиеся в нашей литературе в последние годы. Несомненно, о них будет идти речь на Четвертом съезде писателей; несомненно, Шолохов и шолоховцы, «Октябрь» и октябристы, Сурков и сурковцы, Грибачев и грибачевцы, — словом, все присоветавшиеся к нашей литературе при Сталине и смердящие в ней по сей день, — сделают все, чтобы часть этих явлений объявить «вне закона», а часть направить в «здоровое русло».

Что ж, посмотрим, чем увенчается их возня. Судя по ситуации, непохоже, что успехом.

ЛИТЕРАТУРА — ИСКУССТВО — НАУКА

Анахронизм, поиск, эксперимент

«Господин Пуптила и его слуга Матти» Бертальта Брехта,
«Танго» Славомира Мрожека
— во Франкфуртском городском театре.

Что выбор репертуара для театра имеет перво-степенное значение, — ясно каждому, но какие трудности встают перед руководителями театра при этом выборе, — пожалуй, многие себе не представляют.

Здесь переплетается целый ряд самых сложных соображений: и умение уловить пульс времени, и необходимость учитывать запросы зрителя, и состав труппы, — отсутствие порой достойного исполнителя на главную роль или, напротив, творческий застой ярких актерских индивидуальностей, — возможность параллельных репетиций и спектаклей, постановочная база театра и многое другое.

В наивысший свой творческий подъем, на рубеже XIX и XX веков, один из старейших русских театров России — московский Малый театр — именно выбором репертуара заслужил признание в качестве «второго университета» жизни.

Гиганты актерского вдохновения и мастерства властвовали тогда на подмостках этого театра — Ермолова, Федотова, Никулина, Лешковская, семья Садовских, Рыбаков, Ленинский, Горев...

Драматурги тех лет, создавая своих героев и героинь, порой заранее видели их сценическое воплощение определенными актерами, им и посвящали соответствующие роли. Яркий пример этому — Александр Николаевич Островский.

Театр Станиславского и Немировича-Данченко — московский Художественный театр, напротив, сам прикидывал свои актерские возможности к появляющимся на свет новым пьесам. Так было вначале с Антоном Павловичем Чеховым.

Памятник А. Н. Островскому перед зданием Малого театра; чайка, как эмблема чеховских пьес, на занавесе Художественного театра — доказывают силу неразрывной связи взаимодействий драматурга и театра, выдержавшей испытание временем.

Франкфуртский городской театр еще не обрел своего драматурга, он находится все время как бы в поиске, и в этом не слабость его, а подтверждение его творческой динамичной неуспокоенности, его молодости и творческого задора.

Правда, у интенданта театра и режиссера Гарри Буквица чувствуется явное тяготение и интерес к пьесам Брехта, и, надо отдать должное, ему удается прочесть их острым глазом, творчески взволнованно, избегая проторенных путей. И все же непонятно, чем оправдано включение в репертуар пьесы «Господин Пунтила и его слуга Матти»; пьесы, написанной только двумя красками — белой и черной, или, вернее, красной и черной; пьесы, полной примитивных поучений и назиданий, вроде того, что обжираться и пьянствовать нехорошо, когда другие живут впроголодь. И мало того, что это открытие социального неравенства долго разъясняется действующими лицами, но оно еще и иллюстрируется громадной тушей мяса, невероятного размера куском обитого масла, которые пронесут через всю сцену, а также громадными бочками пива и вина, в то время как несчастные «невесты» Пунтилы повествуют о скудности своего питания и скудности всей своей жизни.

По замыслу Брехта, в Пунтиле человеческое пробуждается только когда он находится в состоянии полного опьянения, в трезвом же виде, это — схема классового врага пролетариата, пособие по изучению марксизма.

Артист Ганс-Дитер Цайдлер в роли Пунтилы, создает живой, из крови и плоти, образ человека, у которого пары алкоголя раскрывают те человеческие клапаны, которые в обычной жизни закрыты почти наглухо, но и в трезвом состоянии где-то в глубине все время бьется живое человеческое сердце.

Ведет свою роль Ганс-Дитер Цайдлер все время на грани гротеска и реальности, с большой выдумкой и изобретательностью как внутреннего рисунка образа, так и внешнего.

Иоахим Бёзе в роли дипломата (атташе) совершенно отрывается от реальной почвы и свой гротеск доводит почти до абсурда, но с такой жизненной правдой и в то же время с такой издевкой над самим образом, что это заставляет зрителя напряженно следить за всеми постигшими его перипетиями.

Все остальные исполнители, за исключением Фридриха Коландера и новой для Франкфурта артистки Клара-Мари Скала, которая в маленькой роли шинкари рисует очень занятный образ яркими живыми красками, показывают послушных марионеток, решивших заранее свою несложную задачу, что дважды два — четыре.

Но в этом повинен в первую очередь и главным образом — автор.

Схематичность и какая-то архаичность в разрешении Брехтом поднятых им вопросов, схематичность и одноплановость выписанных им образов можно было лишь прикрыть режиссерскими находками и выдумкой, блестящим, виртуозным исполнением Гансом-Дитером Цайдлером главной роли — прикрыть, но не вдохнуть жизнь в поучительную дидактику всего спектакля.

✱

Постановкой пьесы польского драматурга Славомира Мрожека «Танго» (режиссер Ульрих Гофман) театр утверждает творческую смелость поиска и вместе с автором решается на очень интересный дерзкий эксперимент.

Приводя зрителя через позавчера и вчера в наше сегодня — и как бы опять отбрасывая во вчера, автор поднимает проблемы, волнующие людей именно сегодня.

Пьеса архитектурно многопланова — от реалистичности быта до трагедийного гротеска. В ней точно прожектором вырывается из тьмы то один пласт человеческих побуждений, размышлений, поступков, то другой... Не успев оборваться одна неоконченная тема, как самостоятельно вырывается другая, пересекается с предыдущей, скрещивается.

Молодой человек Артур (артист Петер Фиц) — студент философского, медицинского и еще какого-то факультета — искренне и горячо бунтует против сумбура, анархичности мысли и уклада жизни, которые и в бытовых штрихах до осязаемости врезаются через прошедшие десятилетия в его семью.

Но бунт его с первых же шагов пародийно глумлив; Артур вполне искренен в своем бунтарстве, но водворяя провинившуюся бабушку Евгению на катафалк и надевая клетку от попугая на голову провинившегося дядюшки, он сам как бы подпадает под глумление над самим собой.

От начала и до самого конца пьесы автор, оттачиваясь от самых обыденных бытовых подробностей, доходит до гротеска, до трагифарса, почти до абсурдности, но и в кажущейся абсурдности сложившейся ситуации автор заставляет вдумываться и раскапывать глубинность замысла.

Бабушка Артура, Евгения (артистка Клере Кайзер), носит жокейскую шапочку чуть ли не пятидесятилетней давности; для многих она почти полумертвая старуха, но когда Евгения в последние минуты своей жизни сама ложится на катафалк, предчувствуя приближение смерти, а окружающие воспринимают это как очередное паясничество, последние слова — что вы за люди, не понимаете самой простой вещи, что я умираю? — совсем тихо произнесенные артисткой Клере Кайзер, вызывают крутой поворот действия к трагическому звучанию.

Начинается пьеса с того, что бабушка Евгения,

дядюшка и Эдек (сосед по квартире) играют в покер. Обычное, бессмысленное времяпрепровождение, но только не для Эдека: в карточной игре он шулер, и для него это не развлечение, а дело. Эдек (артист Карл Фридрих) духовно почти кретинообразен, физически неповоротливо оилен, внешне он мирно настроен, но его сапог при случае крепко может придавить все живое, как мы и увидим по ходу пьесы, когда он молча, уверенно, тяжелой поступью приближается к достижению полной власти над людьми; но об этом дальше.

В комнате нагромодились вещи и люди от позавчера и вчера — уже десять лет стоит неубранный катафалк, на котором лежал умерший дедушка Артура, а рядом детская коляска, в которой возили новорожденного Артура. Его отец Стомиль (артист Ганнсгеорг Лаубенталь) — человек театра, ходит в незастегивающейся пижаме, философствует об искусстве:

«Долой условности, да здравствует динамизм!».

«Искусство — это вечный бунт»...

Но бунт отца Артура — это абстрактный бунт без какой-либо реальной почвы.

Его жена Элеонора (артистка Клара Мария Скала) мечтала, что их сын будет художником: «Еще когда я носила его в чреве, я бегала по лесу голой и пела Баха. Все напрасно».

Артур пошел по пути науки и максимально напряженно устремлен к установлению мирового порядка.

Эту целеустремленность автор как бы замыкает в ту самую клетку, которую Артур надевает на голову провинившегося дядюшки, и все помыслы, вся направленность его бунта беспомощно бьются о прутья этой попугайной клетки.

В финале пьесы Артур вырывается из окружаю-

щего его замкнутого круга. Взгромоздившись на свадебный обеденный стол, словно с трона или эшафота он вещает обретенную им наконец-то цель — торжество смерти и властвования.

Рождается диктатор.

Удар Эдека рукояткой револьвера по голове валит новоявленного диктатора с ног, удар по спинному хребту приканчивает его жизнь.

Автор через события жизни одной семьи как через увеличительное стекло необычайной силы проецирует это на все человеческое общество, не боясь явных политических ассоциаций.

Эдек, человек мускула и дела, сапог времени, прикончив Артура, занимает его место — маньяка-идеалиста сменяет грубая физическая сила.

Эдек приказывает дядюшке Артура (артист Курт Доммиш) снять с него сапоги — и тот верноподданнически послушно, с явной готовностью это выполняет.

Звучит танго, и Эдек приглашает дядюшку к танцу, — тот покорно танцует за женщину.

Под звуки танго в одном из па-танца они вдвоем перешагивают через труп Артура.

Театр вместе с драматургом Мрожеком на поставленные проблемы прямого ответа не дают, это представляется зрителю.

Многоплановость замысла автора заставляет актеров от правды «жизни человеческого духа» переходить временами к доказу своего отношения к образу, но это нисколько не разрывает ткани спектакля, а напротив, подчеркивает и усиливает замысел автора, точно так же, как и оформление спектакля, сделанное художником Гайном Гекротом, и весь режиссерский рисунок Ульриха Гофмана.

Михаил БАЛМАШЕВ

ИНОСТРАННЫЙ МИР И МЫ

Под знаком мельчания и распада

НА СЪЕЗДЕ ВЕНГЕРСКИХ КОММУНИСТОВ

Девятый съезд «Венгерской социалистической рабочей партии» (компартии), состоявшийся в Будапеште с 28 ноября по 3 декабря, ничего нового, — в том, что касается коммунистической идеологии или внутренних порядков в Венгрии, — не принес. Он полностью отразил в этом отношении, тот бесцветный прагматизм, которым вообще характеризуется режим Кадара. Никакого теоретического обоснования проводимой нынче в Венгрии экономической реформе Кадар дать не пытался, хотя эта реформа, ставящая на первое место рентабельность, а не плановые задания, меняет экономическую структуру режима. Зато Кадар признал, что «часть интеллигенции» (другими словами, ее подавляющее большинство) стоит не на марксистских позициях, а «часть молодежи» подвержена воздействию «буржуазной идеологии». Лучшее свидетельство идейного банкротства коммунизма в Венгрии трудно себе представить.

Венгерский режим не погнался за модой: «социалистическая рабочая» партия в коммунистическую не переименована, а Венгрия по-прежнему называется «народной» (а не «социалистической», как Румыния и Чехословакия) республикой. Не последнюю роль в этой сдержанности играли, вероятно страх перед взрывом негодования среди венгров, среди которых такая перемена вывесок была бы, мягко выражаясь, непопулярной.

Особый привкус съезду придало лишь одно обстоятельство: на нем, как и в Софии, «братские партии» выражали свое отношение к намеченному руководством КПСС созыву международного совещания компартий, для которого, по словам Брежнева, «все более назревают условия».

Но надо прямо сказать, что туман, окутавший эту проблему на съезде в Софии, не развеялся в Будапеште. По-прежнему неясно, какие же вопросы будут обсуждаться на совещании и когда, вообще, соберется совещание, — несмотря на то, что «все более назревают условия». Новое лишь одно: Брежнев (вероятно, для того, чтобы привлечь на свою сторону колеблющиеся партии) обещал, что

на совещании не будет никакого «отлучения» КПК, а компартии Польши и «ГДР», в Софии свои позиции не определившие, теперь выступили за созыв совещания.

Бросается в глаза: Кадар, Брежнев и делегаты «братских партий» большое место уделяли в своих выступлениях проблеме Вьетнама. Отсюда: если бы международное совещание было создано, то вьетнамская проблема была бы на нем одной из центральных тем (что, впрочем, было бы и вполне логично).

Но здесь встает новый вопрос: можно ли вообще всерьез обсуждать на коммунистическом международном форуме вьетнамскую проблему в отсутствии главной заинтересованной стороны? Между тем, очень мало шансов на то, что северовьетнамское руководство пошлет свою делегацию на такое международное совещание компартий, где не будет представлена и КПК.

Здесь свою роль играет не только сходность стратегических установок Хо Ши Мина и Мао Цзэ-дуна и не только стремление ханойского руководства сохранять строжайший нетраитет в конфликте КПСС-КПК.

В силу простых географических условий ханойское руководство не может позволить себе выступать против «китайских товарищей», даже если бы того и хотело.

Но если бы северовьетнамская делегация на совещании отсутствовала, то само совещание было бы беспредметным и ничем бы, кроме конфуза, не закончилось. Это можно уже усмотреть, сопоставляя выступления на съезде в Будапеште Брежнева и главы северовьетнамской партийной делегации Ле Дик То. В то время, как Брежнев заявил, что, в результате своего раскольнического курса и саботажа помощи Ханю, руководство КПК взяло на себя тяжелую ответственность перед вьетнамским народом, Ле Дик То, всего через несколько часов после этих слов Брежнева, выразил «горячую благодарность» и Советскому Союзу, и КНР за «братскую помощь»!

Из 34 выступавших в Будапеште делегатов «братских партий» только 18 (т. е. немногим больше половины) высказались за созыв со-

вещания. Но и выступления этих восемнадцати весьма разнятся между собой, так что можно составить целую шкалу оттенков. Некоторые делегаты высказались за созыв совещания весьма категорически и безоговорочно (делегаты от КПСС, от компартий Болгарии, Венгрии, Чехословакии, ГДР, Люксембурга, Греции, Кипра и др.). Делегат компартии Испании был даже еще более категоричен: выступив за созыв совещания, он добавил (единственный изо всех делегатов), что суровую ответственность берут на себя те, кто занимает «приятные нейтралистские позиции» (за что и пожал бурные аплодисменты венгерских участников съезда и делегатов от КПСС и союзных с ней компартий).

Делегат от компартии Финляндии высказался за созыв совещания, но после «тщательной подготовки». Французские коммунисты заявили, что их партия «будет стремиться к созданию условий, в которых могло бы состояться совещание». Делегат компартии Дании выдвинул формулу: совещание — да, отлучение — нет. Некоторые делегации заявили, что «уже созрели» условия для созыва совещания, по мнению других, «условия назревают».

Как правило, все делегации, высказавшиеся за созыв совещания, осудили КПК. Но делегации компартии Западного Берлина и Австрии, хотя и высказались за созыв совещания, ни одним словом не осудили КПК.

Какая другая тема, — кроме Вьетнама, — могла бы обсуждаться на совещании, об этом на съезде в Будапеште никто не говорил, никто из выступавших не попытался дать хотя бы поверхностный анализ состояния в мире и в коммунистическом лагере, хотя многие из них указали на то, что со времени 1957 и 1960 годов обстановка сильно изменилась.

Если касательно внутренних проблем ВСРП съезда в Будапеште оставил впечатление, что для кадаровского режима главное — это сохранение власти ради власти, а идеология никакой существенной роли больше не играет, то в плане международном съезд был убедительной демонстрацией идеологического мельчания и распада лагеря «прогрессивных элементов», «патриотов», «честных людей» (и как они там еще называются) всего мира.

А. Н.

ГЛАВНЫЙ ЭКСПЕРТ ПО ФАЛЬШИВКАМ ИЗ КГБ КОМАНДИРОВАН В ЗАПАДНУЮ ГЕРМАНИЮ

Немецкие газеты, со ссылкой на пресс-бюллетень Министерства внутренних дел ФРГ от 9 декабря 1966 г., сообщают, что временно командированный из Москвы в советское посольство в Бонне Сергей Александрович Кондрашев является заместителем начальника Отдела информации Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР, а функции возглавляемого им отдела — целенаправленное распространение дезинформации, фальшивок и клеветы.

Пресс-бюллетень западногерманского министерства связывает присутствие Кондрашева в Бонне с недавним распространением поддельных документов, бросающих тень на президента ФРГ Генриха Любке, которые, согласно анализу специалистов, сфабрикованы не в восточной Германии.

Нельзя также не обратить внимание на то, что как раз сейчас в полном ходу очередная (которая по счету?!) клеветническая кампания КГБ против работников зарубежной базы Народно-Трудового Союза во Франкфурте-на-Майне.

Ю. В.

ПОПРАВКИ

В «Посеве» № 50 на странице 2 в колонке 1, строке 16 снизу должно быть: закончившемся 3 декабря; в колонке 2, строке 41 снизу: Н. В. Подгорного. На странице 5 в колонке 3, строке 15: «Верховное Главнокомандование». На странице 6 в колонке 2, строке 33 снизу: за пять десятилетий десницей карающей; в колонке 3, строке 7: писателя Василя Быкова. На странице 7 в строке 21 снизу: фильм Феллини «8½».

